

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Снизу стучит-перестукивает, сбоку тревожно взвыл встречный тепловоз — загрохотало за окном, загудело, замелькало, возможно, вагонзаки на Сибирь погнали. Жизнь на железной дороге прямая как рельсы — для кого-то на запад идет, для кого-то на восток. Одни уходят по этапу, другие возвращаются. Чуть более двух лет назад по этой же дороге, в холодном вагонзаке, неторопливо, от полустанка к полустанку, Егор подползал к зоне, из которой сейчас возвращался. Это время тянулось как сама вечность, а пролетело за один миг. За два с половиной мига.

Поезд стал притормаживать, вагон слегка трянуло — дверь вздрогнула, тихонько поползла по направляющим и все-таки открылась не сама, кто-то ее подтолкнул.

— Я сейчас милицию вызову! — послышался знакомый женский голос.

Егор настороженно поднялся. Соседка у него женщина вроде бы спокойная, тихая. Себе на уме,

но не конфликтная, и на тебе — милицию вызовет! Кому это она угрожает?

Дверь открылась, и в купе втолкнулась немолодая, но неплохо выглядевшая женщина с коротким пышным каре из светлых волос. Белая футболка с капюшоном обтягивала высокую грудь, полушария соблазнительно колыхнулись, когда она села на свою полку. И заметил это не только Егор, к женщине тут же подсел долговязый тип с помятым лицом и глубокими морщинами на лбу. В наглых глазах — пелена, непроницаемая для светлых чувств, увязших где-то в глубинах души. В рассеянном сумраке купе тускло сверкнула золотая фикса. И еще один такой же дефективной внешности мужичок встал в дверях, плечом опираясь на косяк. Одна рука в кармане, на пальце другой крутятся четки. У обоих на руках наколки.

— Я сейчас закричу! — отодвигаясь от фиксатора, пригрозила женщина, побледнев как полотно, и глянула на Егора в поисках защиты. Как будто он был таким же уголовником, поэтому мог повлиять на этих...

Да, был уголовником, но выглядел совсем не так. Внешне он был похож на обычного человека, который в меру своих возможностей следил за собой. Модельная стрижка, умягченная кремами после бритья кожа лица, фиксы, правда, на

фарфор заменить не успел — слишком коротким оказался срок между отсидками, да и спохватился поздно. Но ничего, в Москве он первым делом отправится к стоматологу. Костюмчик у него на вешалке, рубаха, правда, черная, но все равно в нем он смотрится цивильно. И не надо на него смотреть так, как будто Егор свой этим сявкам подшконным.

— Что-то жарко сегодня, — недовольно сказал он и, скрестив на животе руки, взялся за нижние края футболки.

— Эй, фраер, мы вообще-то бабу раздеваем, а не... — Фиксатый не договорил. Челюсть у него отвисла и слова застряли в горле, когда он увидел восьмиконечные звезды под выколотыми эполетамми на плечах. И орел на груди — с рогатым козлом в клюве.

После первой отсидки Егор дал себе слово больше не портить кожу, но как он мог не нанести себе воровские звезды после коронации?..

— Э-э... Ну да, жарковато... — Фиксатый взялся за ворот своей клетчатой рубахи, словно ему воздуха не хватало.

— И кислороду маловато, — тяжело посмотрев на него, кивнул Егор.

— Ну, мы тогда пойдем, — правильно понял его баклан и, выталкивая с прохода своего дружка, ломанулся из купе — только его и видели.

Егор спокойно надел футболку, закрыл дверь и лег на полку, не глядя на женщину, находящуюся в состоянии глубокого транса.

Она его не интересуется, и кадрить ее он не собирается. А если вдруг сама попросится... Но не попросится. Она уже поняла, с кем имеет дело. Татуировки на теле говорили сами за себя...

Егор приложил ладонь ко лбу и закрыл глаза.

Знал он одну девчонку, которая тащила от крутых пацанов. Давно это было, девять лет назад. Он был тогда обычным работягой. Увидел Нику на остановке и пропал, не чувствуя под собой ног подошел к ней, что-то жалко пролепетал. Она и разговаривать с ним не захотела и с насмешкой смотрела, как его избивают крутые пацаны. Из-за нее избивают... Он бросил вызов бандитам, сошелся с ними на «стрелке», но его не убили. Леон оценил силу его характера, взял к себе в бригаду, а там он показал себя — из бычьего стада вырвался в вожаки. Тогда Ника покорила ему окончательно.

Правда, оказалась той еще стервой. Была с Егором и в то же время продолжала крутить со своим бывшим хахалем, бойцом из вражеской стаи. От нее каштановские и узнали, где и когда Леон собирает свою братву. Егор перехватил киллеров и остановил их... А Нику могли убить, но он сумел отвоевать ее у своих же пацанов. Она его за это

хорошо отблагодарила — не успел он сесть, как закрутила любовь с другим...

А после отсидки он познакомился с чудесной девушкой из параллельного мира. Марина знала, в каких кругах вращается Егор, понимала, чем ей грозит отказ, но сказала свое твердое «нет». Не хотела она быть с ним, и он, в конце концов, ее отпустил. Но чувство не пропьешь, лагерными ветрами не выдуешь. Он вернулся к Нике, к девушке из своего мира, которая понимала Егора, и очень обрадовалась, когда его короновали. Она хотела быть подружкой законного вора, а Марина — нет. Сход предложил ему отправиться в командировку — ставить «на понятия» одну зону, и он согласился. Ника приняла это как должное, а вот Марина послала бы его куда подальше со всеми воровскими закидонами.

Но Марина про него ничего не знала — где он, с кем, почему. Не знала и знать не хотела, да и он старался вычеркнуть ее из памяти. Надо сказать, ему это удалось. А сейчас вот вдруг вспомнил про нее.

В жизни можно обойтись без конфет или пирожного: сладкое и фигуру портит, и для здоровья вредно. А так иногда хочется! Вот и с сексом. Ника следила за своей репутацией так же строго, как и за фигурой. Да и нельзя ей было изменять Егору.

Он человек влиятельный, и есть у него в Москве люди, которые могли проследить. Но иногда как захочется — спасу нет. Не столько мужика хочется, сколько оторваться, кувыркнуться в самую гущу порока, схлебнуть с самого дна. А мужик — только средство заполнить себя пороком и опуститься на то самое дно. Опуститься, измазаться, а потом снова наверх — отмыться, очистить память и продолжать жить нормальной человеческой жизнью. Не совсем уж она пропащая, если нет желания жить в грязи.

К Егору она ездила, несколько раз была с ним на длительном свидании, но это не то. С ним не оторвешься. Если передок взбесится под ним, значит, ей хочется и с другим. Логика у мужиков непробиваемая. Что у мужиков, что у воров.

— Слушай, ты такая клевая! — Синеглазый, брутальной внешности блондин с потрясной фигурой провел рукой по ее телу, прикрытому прозрачным пеньюаром.

Ника гордилась своей фигурой даже больше, чем статусом бизнес-леди. Дела у нее идут отлично — три супермаркета в Москве, четвертый раскручивается — такой вот она взрастила урожай на ошибках бурной молодости.

— Может, косячок взорвем? — спросил Эдик.

— Не сейчас... Вечером зайдешь, — широко зевнув, ответила она.

Парень яркий, эффектный, настоящая зажигательная бомба. Хорош он в постели, но Ника с ним больше не хочет, он для нее — одноразовый, использовала — и в утиль.

Он взял ее за плечо, потянул на себя и перевернул на спину. Ника недовольно глянула на него. Что за вольности?

— А ты будешь вечером? — спросил Эдик.

— Буду, — не моргнув глазом, соврала она.

— Уверена?

— Это что, допрос?

— Не будет тебя сегодня вечером, уедешь ты в свою Москву. Самолет, поезд?

— Космолет.

Ника поднялась с кровати, взяла с трюмо сумочку и отправилась в ванную. Не было у нее желания выслушивать всякий вздор. Но еще больше не хотелось, чтобы этот доморощенный мачо шарил в ее сумочке, пока она принимает душ. Мутный он какой-то... И кто ему сказал, что она приехала из Москвы? Может, уже заглянул в паспорт?

— Когда я выйду, тебя уже не должно здесь быть, — сухо бросила Ника, открывая дверь в ванную комнату.

В шестнадцать часов она должна быть в аэропорту, машина уже заказана.

Контрастный душ освежил ее, горячий — расслабил, холодный — взбодрил. Вытираться она не

стала, надела банный халат на мокрое тело и вышла из ванной как новенькая. Но настроение тут же упало при виде Эдика. Он был уже одет, но уходить, судя по всему, не собирался. Парень развалился в кресле, нога на ногу, на столе бутылка, в руке стакан с виски.

— Я же сказала! Пошел вон!

— Ты ведешь себя как самая настоящая стерва! — снисходительно ухмыльнулся Эдик. — Да ты и есть стерва! Но хочешь быть хорошей перед мужем...

— Нет у меня мужа! Я сама по себе! — угрожающе сверкнула взглядом Ника.

Но, судя по всему, не произвела должного впечатления на проходимца. А как еще назвать человека, который задумал грязную пакость?

— А почему в Питер приехала? Оторваться вдали от дома?

— Я не собираюсь перед тобой оправдываться.

— От кого ты прячешься?

Ника молча прошла в спальню, оделась, накрутила на скорую руку, вышла, небрежно бросила на пол саквояж от «Армани». Все, она готова покинуть номер, и плевать, остается Эдик или нет.

— Уезжаешь? — ехидно усмехнулся он. — Может, присядешь на дорожку? Кино посмотрим. — И взял со столика пульт, включил телевизор.

Ника разозлилась, увидев на экране сцены их собственного извращенного секса.

— Ты идиот? — резко спросила она.

— Я думал, ты спросишь, сколько это будет стоить.

— Не бойся, тебя не убьют.

— Меня?

— У меня в сети пять борделей, два десятка массажных салонов, я сама принимаю клиентов. И это знает весь город, в котором я жила.

— Возвышенск или Москва?

Ника презрительно скривила губы, все-таки это «чмо» заглядывало в ее паспорт.

— Езжай в Возвышенск, спроси, кто я такая. Только не задерживайся, а то вдруг я разозлюсь.

— Тогда что?

— Ты когда-нибудь видел, как людей закапывают заживо? А я видела. Закопают, а потом смотрят, как земля шевелится. Даже крики слышны. Хочешь попробовать?

— Напугала! — Эдик попробовал изобразить глумливую насмешку, но вышла какая-то жалкая гримаса. Смогла Ника переиграть его — страшно ему стало.

— А еще можно крысу в ведро бросить, а тебя на это ведро посадить. Угадай, через какое место крыса выползает будет?

— И кто меня посадит? — нервно хихикнул он.

— И посадят, и крыса будет. Мой тебе совет, засунь подальше свою записку.

Ника взяла сумку и победным маршем, слегка поигрывая бедрами, покинула номер. Раз так вышло, она отменит одно такси, закажет другое, а в аэропорту купит билет на более ранний рейс. Если с билетом не повезет, она уж как-нибудь перетопчется пару часов. Все что угодно, лишь бы не видеть это ничтожество с его жалкими увертками...

За себя она не боялась. Егор вернется еще не скоро, ему добавили срок за нападение на начальника колонии, и если Эдик решит пробить ситуацию вокруг нее, он уткнется своим длинным носом в пустоту. Ну а если вдруг до Егора все же дойдет эта запись, Эдик получит пулю в затылок. А Ника лишь посмеется над жалким неудачником. Да, в прошлом она вела себя плохо, но Егор ее за это простил. Да и как могло быть иначе, если она закрыла его от пули. Сама не поняла, как это произошло, дернул черт, но ведь было. И в больнице она лежала, изображая из себя умирающего лебедя. Сцену перед ним разыграла, а он повелся — и простил ее, и остаться обещал. На что не пойдешь ради любви... А она любит его, не без этого.

Они созданы друг для друга, и он это понимает. Потому они и вместе, пусть и на расстоянии...

Сначала заголосил петух, затем закудахтали куры, еще чуть-чуть — и замычит корова, но до нее так и не дошло: Ника ударила пальцами по кнопке

дурацкого будильника. Чай, не в деревне живет, чтобы на утреннюю дойку подниматься. Молоко ей завозят целыми машинами, причем личное участие вовсе не обязательно. И ничего не случится, если она отберет у ночи лишний часик.

Но не успела она заснуть, как запиликал телефон. Если молоко скисло, то и без нее разберутся. Хотя и не факт.

— Да! — Голос ее прозвучал строго, начальственно.

— Привет! Муж далеко? — нахально спросили на том конце провода.

Она оставила Эдика в Питере вчера, а сегодня уже не должна была о нем помнить, но этот недоумок не унимается. На стационарный телефон позвонил, видно, пробил его по базе — через адрес в ее паспорте. Думает, что очень умный...

— Нет никого, подъезжай. — Она решила не выказывать свою злость.

— Порнушку посмотрим? — хихикнул Эдик.

— Ну, сначала с тобой сделают то, о чем я говорила, а потом да, посмотрим, как это было... Кстати, и крысу привези, чтобы далеко не ходить. Одно другому не помешает.

В трубке слышались короткие гудки, и Ника невесело усмехнулась. Боится Эдик, но с нее не слазит. На «слабо» пытается ее взять, для того и позвонил рано, чтобы выяснить, кто с ней в по-